

Рисунки и литографии Е. Е. Климова

ПРОШЛО, оказывается, уже двадцать лет с того времени, как я писал в «Русской Мысли» (№ 627, 1954 г.) о двенадцатом альбоме литографий Евгения Евгеньевича Климова, посвященном «старой уходящей Канаде», где — по воле судьбы — оказался, в конце концов, художник.

Он окончил в 1928 году в Риге Латвийскую Академию Художеств по классу живописи и немалое внимание обратил на технику рисунка, что привело его к занятиям литографией. В Риге до 1944 года, Е. Е. Климов выпустил девять альбомов литографий, рисуя на камне и достигнув высокого мастерства в разнообразных сюжетах, его привлекавших, — в частности, подлинной лиричности в изображении уголков Печерского края в Эстонии, древней Псковщины, или при передаче рижских впечатлений художника.

В Канаде он перешел к труднейшей технике рисования на цинковых пластинках, когда уже невозможны исправления набросков. Всего он выпустил там пять альбомов литографий.

Одновременно все эти годы, вопреки эмигрантским бытовым трудностям, Е. Е. Климов упорно продолжал заниматься живописью, графикой, а также иконописными работами, — Е. Е. является специалистом по иконописной технике, превосходным реставратором икон и вдумчивым иконописцем. Сотрудничая в «Новом Русском Слове», «Новом Журнале» и в различных иностранных изданиях, он создал себе репутацию знатока русского искусства, подтверждая ее чредой лекций по истории его, которые он читал (с множеством диапозитивов и обычно по-русски) в Канаде, в Соединенных Штатах и в Англии.

Сейчас Е. Е. Климов выпустил поистине очаровательный альбом*) (размера больших открыток), где воспроизведены офсетным способом некоторые рисунки и некоторые литографии Е. Е. с тридцатых годов до 1972 года, — всего шестнадцать. По-моему, эти избранные произведения дают превосходное представление о Е. Е. Климове как рисовальщике и мастере искусства литографии.

*) Eugene Klimoff. Reproductions of Drawings and Lithographs, Printed in Canada (1974).

Четыре рисунка в альбоме связаны с «портретной линией» в творчестве художника и полны стремления «проникнуть в личность» изображаемого, как бы «истолковать» ее. Чрезвычайно удался «русский епископ»: одухотворенная открытость лица, добрая простота и оживленность его, подчеркнутая внимательной полуулыбкой: епископ словно ведет беседу, слушая в данный момент собеседника.

Сосредоточенный взгляд и глубина выражения на портрете госпожи Т. С. ясно показывают душевную силу оригинала, также поддержанную рисунком сжатых губ и некоторой горечью складок лица. Производит сильное впечатление номер 4, где запечатлен (по-видимому, недавно) г. Р. Г., — Р. Б. Гуль, писатель, редактор «Нового Журнала»: да простят мне портретист и «оригинал» это раскрытие инициалов!

На таблице первой — «Вечером» — нет лица, но силуэт, обращенный к зрителю на три четверти спиной, угадываются очки, быть может, в руке перо; зажженная лампа и тени создают замечательный эффект и то, что всегда важнейшее в рисунках — «настроение», в которое сразу включается зритель.

Совершенно изумительны литографии: номер пять — «Русская провинция» — голые деревья и тени от них, ручей с мостком, частокол и угол дома, а на заднем плане очертания храмов, крыш; номер шесть, видно, тоже русская «Зима» с чудесной «определяющей точкой» — едва намеченной дугой лошади приближающихся саней, а иначе городская безмолвная улица, деревья на первом плане как бы подчеркивают снежную тусклую даль. Четыре прекраснейших литографии «канадских мотивов», — городских и рыбацких. На номере одиннадцать — кусок Парижа, — и какой!: трущоба, с дивным фонарем, с ажаном, с ручной тележкой, с куском рекламы на стене дома. Предельная экономия средств выражения, создающая насыщенную парижскую атмосферу. И, как иллюстрация диапазона художника, на следующей таблице — уголок итальянского городка, мгновенно, как историческая реальность, возникающего в борьбе солнца и теней.

Литография № 13 — «Гетто в Вильне» сильна лаконизмом и суровостью рисунка, и как

бы «воздухом беды» наполнена пустынная улица.

Поэтической силой захватывает «Улица в Иерусалиме», — ступени, свод за сводом, серые камни, темные одеяния прохожих, вдали ослик с седоком и на одной из стен яркое пятно: прорвался солнечный луч.

Номер 15 — захватывающая лиричностью «Весна», полная радостного, но еще медленно пробуждения, и, как контраст, на таблице 16 давящее безмолвие «Ночи», которое не вспугнут шаги прохожего, и этот мрак не разгоняет где-то за невидимыми облаками луна, присутствие которой угадывается, благодаря интенсивности теней.

Трудно не восхититься всем этим столь талантливо, столь гармонично запечатленным миром художника на этих удивительных литографиях, сохраняющих впечатления их создателя, куда бы ни забрасывала его судьба. В них даже есть какое-то оправдание эмигрантского бытия нашего замечательного художника. Обращенный всей душой к России, преданный ее культуре, неустанно пропагандирующий ее искусство, он не чужд всем «впечатлениям бытия», отражающимся в его одухотворенном, душевно чутком, технически строгом и художественно цельном творчестве, — все равно, будет ли это Псковщина или рыбацкая бухта в Канаде, памятник с индейцами в Квебеке, иерусалимская улочка или портретная зарисовка в Риге, в Нью-Йорке... Во всех случаях это — вклад в русское искусство, талантливый вклад.

Надо надеяться, что Е. Е. Климову удастся выпустить в свет еще не одно подобное издание своих работ (также и живописных). Многие его альбомы литографий стали библиографической редкостью.

Ник. Андреев

Кембридж.

Из блокнота

СЛОВА, СЛОВА...

Перед тем, как я женился, у меня было шесть теорий воспитания детей. Сейчас у меня шесть детей и никаких теорий.

Лорд Рочестер,
английский поэт

Всегда лучше говорить правду, если вы, конечно, не профессиональный лгун.